

МУРЗИЛКА

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
ИЮЛЬ 1936

№ 7

XV 63
II

Алексей Максимович Горький

18 июня в Горках, под Москвой, умер Алексей Максимович Горький, великий писатель, борец за коммунизм, друг Ленина и Сталина.

Нищее детство, бесприютную юность прожил он в царской России. Десятилетним ребенком, без отца-матери, ушел Алеша Пешков в люди.

Чтобы не умереть с голоду, пришлось ему собирать кости и тряпки на свалках. За кусок хлеба служил он мальчиком в лавке, поваренком на пароходе, крендельщиком в булочной, бурлаком на Волге, грузчиком на пристани, сторожем на железной дороге.

Горько прожил он свою молодость, прежде чем стал великим писателем нашей родины.

Так жили миллионы людей в нищей, голодной царской России.

Про эту жизнь, полную лишений, унижений, побоев, рассказывает Горький в своих замечательных рассказах.

Горячей любовью к жизни, к людям, замученным каторжным трудом, к детям, не знающим радости и солнца, согреты яркие страницы его мудрых книг.

Острой ненавистью к мучителям, к купцам-самодурам, фабрикантам пропитаны его рассказы.

Ни голод, ни холод, ни царские тюрьмы не могли устрашить его.

Каждая строка его великих творений, каждая книга его звали трудовой народ на борьбу с царем и его приспешниками за счастье народное, за радостное детство.

Так Максим Горький помогал словом и делом великому Ленину и большевикам.

И счастье выпало ему на долю. Своими глазами увидел он под конец жизни великую свою родину счастливой, в радостном труде, в песнях и веселом смехе миллионов детей.

Горький родился в неизвестной бедной семье столяра Пешкова, а хоронили его в самом почетном месте на земном шаре: в Москве на Красной площади, у мавзолея Ленина. У гроба его стоял в почетном карауле Сталин.

Трудящиеся всех стран прислали ему свое последнее скорбное приветствие.

Горький умер, но навсегда нам остались его книги.

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

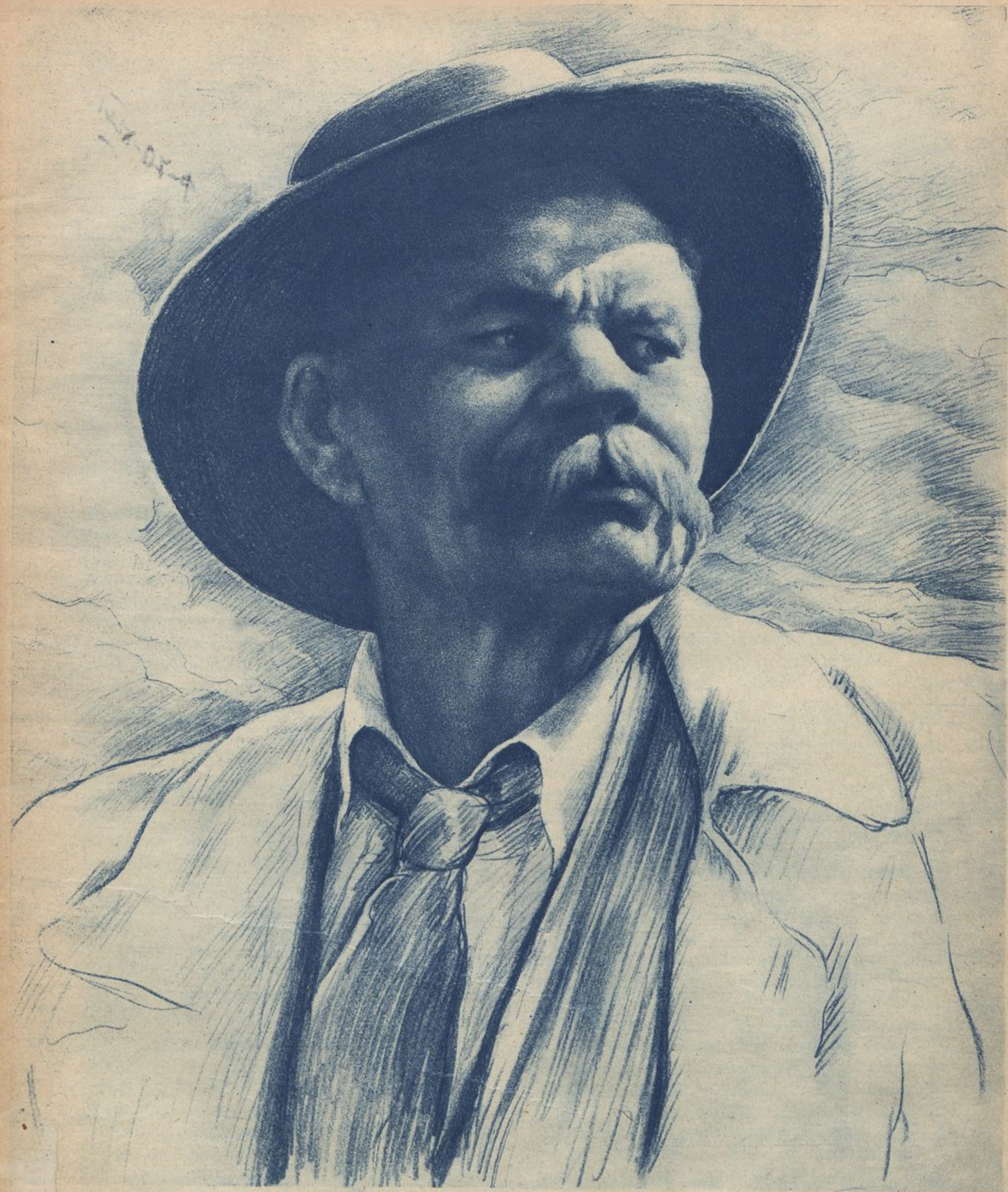
ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

ИЮЛЬ 1936

№ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ

Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. Т-15-42

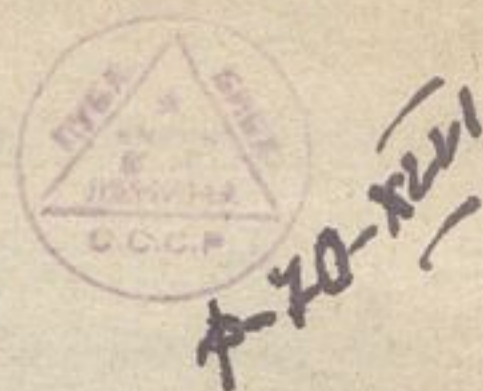

Алексей Максимович Горький
родился в 1868 г., умер в 1936 г.

Рассказ Максима Горького

Дети

Трудно рассказать эту маленькую историю, — она так проста.

Когда я был юношей, то по воскресеньям — весной и летом — я собирал детей нашей улицы и с утра уводил их в поле, лес: мне нравилось жить в дружбе с маленькими людьми, веселыми, как птицы.

Дети были рады покинуть пыльные тесные улицы города; матери снабжали их кусками хлеба, я покупал что-нибудь вкусное, наливал большую бутылку квасу и, как пастух, шел сзади беззаботных ягнят городом, полем, до зеленого леса, прекрасного и ласкового в уборе весны.

Мы почти всегда выходили из города утром, во время благовеста к ранней обедне; нас сопровождал звон колоколов и облака пыли, поднятые быстрыми ногами детворы.

В жаркий полдень, устав играть, мои товарищи собирались на опушке леса, потом, закусив, те, что поменьше, спали на траве в тени орешника и калины, а десятилетние молодцы, тесно собравшись вокруг меня, просили рассказать им что-нибудь, и я рассказывал им что-то, болтая так же охотно, как они сами болтали со мной...

... Над нами — синий покров вешнего неба, перед нами — в мудром молчании богатое разнолесье; пробежит ветер, пронесется тихий шопот, колеблются душистые тени леса, и снова благодатная тишина ласкает душу.

Белые облака медленно плывут в синеве неба; с земли, нагретой солнцем, небо кажется холодным, и странно видеть, что облака тают в нем.

Однажды, когда я выходил из города в поле с толпой детей, навстречу нам вывернулся никому не знакомый мальчик-еврей, босой, в изорванной рубахе, чернобровый, тоненький и кудрявый, как барашек.

Был он чем-то недоволен и, видимо, недавно плакал: веки его матово-черных глаз опухли и покраснели, резко выделяясь на бледном до синевы, голодном лице.

Наткнувшись на толпу детей, он остановился среди дороги, крепко уперся ногами в прохладную утром пыль, темные губы его красивого рта испуганно полуоткрылись, — в следующую секунду он легким прыжком очутился на тротуаре.

— Держи его! — закричали дети весело и дружно. — Жиденок! Держи жиденка!

Я ждал, что он убежит, — его худенькое, большеглазое лицо выражало страх, губы дрожали, он стоял в шуме насмешек и странно вытягивался, точно вырастал, прижимаясь к забору плечами, спрятав руки за спину.

Но он вдруг сказал, очень спокойно, внятно и правильно:

— Хотите, я вам фокусы покажу?

Я понял это предложение, как способ самозащиты, а детей оно сразу заинтересовало и отодвинуло от него; только наиболее взрослые и грубые смотрели на маленького еврея недоверчиво и подозрительно: наша улица враждовала с детьми других улиц, наши ребятишки были крепко убеждены в каких-то своих преимуществах перед детьми других улиц и не любили, не умели замечать преимущества других детей.

Маленькие отнеслись к этому проще.

— Показывай! — закричали они.

Красивый, тоненький мальчик отступил от забора, изогнул назад свое худенькое тело, коснулся руками земли и, взметнув ноги, встал на руках, крикнув:

— Гоп!

И завертелся, как обожженный, легко и ловко играя своим телом.

Сквозь дыры его рубахи и штанишек просвечивала сероватая кожа худень-

XX 09/11
кого тела, острыми углами высовывались кости лопаток, колен и локтей, и ключицы его были точно удила.

Казалось, что вот он перегнется еще раз, и эти тонкие косточки хруснут, ломаясь.

Он старался до пота, рубаха на спине его взмокла; сделав какое-нибудь упражнение, он заглядывал в лица детей с нарочитой мертвой улыбкой, и неприятно было видеть его матовые глаза, расширенные точно от боли; они странно вздрагивали, и много было во взгляде их недетского напряжения. Ребятишки поощряли его шумными возгласами, многие уже подражали ему, кувыркаясь в пыли, падая, вскакивая от боли неловких движений, от неудач, успехов и зависти.

Но эти веселые минуты сразу исчезли, когда мальчик, перестав упражняться в ловкости, посмотрел на детей с благосклонной улыбкой опытного артиста и сказал, протянув тонкую руку:

— Теперь — дайте мне что-нибудь!

Все замолчали, кто-то спросил:

— Денег?

— Да, — ответил мальчик.

— Ишь какой!

— Мы бы за деньги-то и сами сумели...

Эта просьба вызвала у маленькой публики враждебное и пренебрежительное отношение к артисту, — дети пошли к полю, насмешничая и поругиваясь. Конечно, денег ни у кого из них не было, а у меня — только семь копеек. Я положил две монетки на пыльную ладонь, мальчик пошевелил их пальцами и сказал, хорошо улыбаясь:

— Благодарю...

Он пошел прочь, и я увидел, что рубаха на его спине вся в темных пятнах и прилипла к лопаткам.

— Постой, что это?

Он остановился, обернулся, внимательно посмотрел на меня и с такой же хорошей улыбкой сказал четко:

— Это — на спине? Это мы упали с трапеции в балагане, — отец все еще лежит, а я уже здоровый...

Я поднял рубаху — на коже спины с левого плеча вниз и к боку лежала широкая темная ссадина; она засохла толстым струпом; но во время упражнения струп лопнул в нескольких местах, и теперь из трещин сочилась алая кровь.

— Сейчас уже не больно, — сказал он улыбаясь, — не больно, а только чешется...

И мужественно, как подобает герою, взглянув в глаза мне, он продолжал тоном серьезного взрослого человека:

— Думаете, это я для себя работал? Честное слово — нет! Отец... У нас нет ни кусочка! А отец так разбился! Знаете, приходится работать. А тут еще — евреи мы, и все над нами смеются... До свидания...

Он говорил с улыбкой, весело и бойко.

Кивнув мне кудрявой головой, он пошел очень быстро мимо глазастых домов; они смотрели на него стеклянными очами равнодушно и мертво.

— — — — —

Это так незначительно и просто — не правда ли?

Но не однажды в жизни моей, в трудные дни ее, я с благодарностью вспоминал мужество мальчика...

Этот рассказ написан в 1916 г.

КАЗБЕК

Дорогой маршал Семен Михайлович!

Мы слышали, что у вас был хороший конь Казбек. Мы долго искали, чтобы прочесть про Казбека в газетах и книгах, но нигде о нем не написано. Вы лучше всех можете рассказать о Казбеке и как он вам помогал во время войны с белыми. Просим вас напечатать о нем в „Мурзилке“, чтобы прочли мы и ребята всей нашей страны. Мы с нетерпением будем ждать вашего рассказа. И не забудьте написать, ка-

кого был Казбек цвета, какие у него грива и хвост, а то наши ребята поспорили: одни говорят, что он белый, другие — что он рыжий, третьи — что он вороной. Нам очень интересно, где сейчас находится Казбек и как за ним ухаживают. Мы бы хотели, чтобы Казбек был жив.

Мы просим редакцию „Мурзилки“ передать это письмо товарищу Буденному.

Читатели детской библиотеки им. Усиевича, младшей читальни. Москва.

Дорогие ребята!

Семен Михайлович получил ваше письмо и был очень рад, что вы интересуетесь нашей борьбой с белыми и боевыми конями, на которых красная конница побеждала врагов советской страны.

К сожалению, Семен Михайлович сам рассказать вам об этом сейчас не может, потому что он очень занят. Он передает вам горячий привет, а рассказать обо всем просил меня. Я вместе с ним воевал в рядах славной красной конницы.

Казбек достался товарищу Буденному в бою. Под Царицыном в 1919 году буденновцы окружили и разбили одну из белых кавалерийских частей. Из захваченных здесь резвых донских скакунов особенное внимание обращал на себя один. Красивая, точно выточенная, голова с быстрыми зоркими глазами, тонкие сухие ноги, светлобуланая масть, черная грива, тонкий хвост и черная ровная полоса по всему хребту — вот как выглядел этот конь. Несмотря на утомительный бой, он был свеж и готов к новому походу. Это и был Казбек.

Казбек сразу понравился Буденному. Буденный подошел к нему и потрепал его по холке. Казбек смотрел настороженно, как бы сторонился нового человека. Тогда Буденный вспомнил, что у него в

кармане есть сахар, и протянул большой кусок сахара Казбеку. Казбек тряхнул головой, взял сахар и доверчиво подал Буденному переднюю ногу. Так началась их неразрывная дружба, которая продолжалась и крепла с каждым днем.

Много километров, гоня белых, пролетел Буденный на своем Казбеке. И всегда могучий конь оставался ему верным другом. Никакая преграда не останавливала Казбека. Будь это канава в три-четыре метра шириной, высокий забор, изгородь или река, Казбек решительно шел на препятствия и перепрыгивал канаву, перелетал через забор, переплывал реку. И Буденный был в нем уверен.

Кто в нашей армии не знал Казбека? Таких бойцов не было. И когда бойцы еще издали замечали приближающегося к жаркому участку боя буланого Казбека с бесстрашным командиром, они еще беззаветнее бросались в бой с врагом.

Однажды после жаркого боя, когда уже стемнело, Буденный, объезжая позиции, наткнулся на отступающую конницу.

— Какая часть? — спросил Буденный у крайнего казака.

— Волчья сотня генерала Шкуро, — ответил белогвардеец и равнодушно отвернулся. Он не узнал неожиданного гостя. Буденный был в такой же, как и он, казачьей папахе, а красную звездочку в

темноте не было видно. Но соседние казаки начали оглядываться и перешептываться. Времени терять было нельзя. Вся надежда была на Казбека. Унесет или нет?

Неожиданно Буденный резко повернул Казбека, дал шпоры и карьером помчался к своим частям. Несколько казаков бросилось за ним. Трещали ружейные выстрелы. Но, как птица, едва касаясь земли, летел по степи Казбек. И белогвардейцы остались ни с чем.

Когда Красная армия занимала Ростов, шел ожесточенный бой на улицах. Буденный и Ворошилов были в первых рядах бойцов. Белые уже отступали на Батайск, когда вражеская пуля, направленная в Буденного, попала в голову Казбека. Конь упал на передние ноги и захрапел.

Буденный горячо любил Казбека. Видя страдания умирающего друга, он хотел пристрелить его. Но рука не поднялась. Он обернулся к Ворошилову и сказал:

— Жаль стрелять. Не могу. Может, выходим.

После боя раненого Казбека подобрали и отвезли в походный ветеринарный лазарет. Все бойцы знали, что Казбек ранен, и жалели его. Буденный ежедневно навещал своего друга. На пятые сутки Казбек пересилил рану, начал поправляться. А через пятнадцать дней Буденный снова гарцовал на нем перед рядами бойцов и рубил белогвардейцев.

Кончились бои с Деникиным. Тысячи километров непрерывных походов не подорвали силы Казбека. Добрый конь был готов к походу на белополяков. И тысячи километров от Майкопа до Киева вновь прошел Буденный на нем.

Во время житомирского прорыва Буденный с кавалеристами 14-й дивизии обрушился на отступающие эскадроны польской конницы. Он летел впереди всех на своем Казбеке. И польские уланы, оглядываясь,

в ужасе, видели все ближе и ближе бешено мчавшегося буланого коня с развевающейся по ветру черной гривой. Они шпорили своих коней, кололи их лезвием шашек. Но трудно уйти от Казбека. На скаку Буденный врезался в ряды врагов, выбил нескольких улан из седел и захватил двух лучших польских скакунов.

Вот как, ребята, помогал Казбек Семену Михайловичу. И вот почему мы, кавалеристы, так любим своих коней, заботимся о них в самых трудных походах.

Вы, ребята, хотели бы, чтобы Казбек жил и сейчас. К сожалению, должен вас огорчить. Ведь кони живут меньше нас. И к двадцати годам Казбек был совсем стариком. Он умер в 1929 году.

Сейчас у Семена Михайловича новый конь. Но в память своего погибшего друга товарищ Буденный подобрал себе такого же коня — буланого, тонконового, с черной полосой на спине и быстрыми зоркими глазами. И назвал его тоже Казбеком. Этот конь выращен уже нашими советскими заводами.

Вы знаете, ребята, что сейчас на специальных конезаводах и почти во всех колхозах мы выращиваем настоящих кавалерийских коней, подобных Казбеку. И если нам снова придется воевать, мы всю красную конницу посадим на таких же Казбеков, и ни один враг не уйдет от нашей руки.

*Заместитель инспектора кавалерии
Рабоче-Крестьянской Красной армии
комбриг И. Н. Тюленев.*

ПРО СОБАКУ, КОТОРАЯ НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ

*О. Перовская
Худ. А. Брей*

У нас солнце теплое, ласковое. Люди ему рады. А есть места — например Туркменистан — солнце там палит, как огонь. Тротуары на улицах раскаленные. Босиком не ступишь, всю подошву сожжешь. В полдень там никто носа на солнце не высунет. Разве только собаки пробегут по собачьим делам и то после лизут подошвы и хмурятся.

Зато там, на таком жарком солнце, хорошо разрастаются сады. У меня был знакомый садовник. Сад у него был большой и богатый, как в сказке. Абрикосы золотыми шариками облепили, обсыпали ветки. Ветки стали тяжелые и пригнулись к земле. На земле, как поросята, уткнулись в широкие листья пузатые дыни. А в глубине сада, на высоких деревянных решетках и кольях, заплетались коричневые толстые виноградные лозы.

Садовник был добрый, хороший старик. Он целые дни трудился в саду. Копал канавки, собирал сухие листья и разный мусор, подвязывал ветки. И всегда он распевал во весь голос и громко, отчаянно кричал на своих врагов.

Я старательно ему помогала. Пела еще громче, чем он, сторожила сад и тоже кричала на всяких вредителей. За это дедушка-садовник припрятывал для меня самые лучшие фрукты, собирал мне в букеты самые красивые цветы, а главное — он всегда обо всем со мной советовался.

В середине лета начал у нас поспевать виноград. Мы с дедушкой наперечет знали все кисти. Одну кисть я заметила, когда виноградины на ней были еще совсем детские, маленькие. Ну, вот такие, как бусинки, из которых игрушечным мишкам пришивают глаза.

Я показала кисть дедушке. Он посмотрел и языком прищелкнул:

— Эта кисть будет всем кистям кисть! Ты гляди за ней хорошенько, чтобы никто ее не испортил. А когда она поспеет, мы ее срежем, и ты отнесешь ее своей маме в подарок. Хочешь так сделать? А?

Я поблагодарила дедушку и начала в оба глаза присматривать за будущей маминной кистью.

Виноградины понемногу росли, наливались. Сначала они были такие, потом —

такие, потом так налились — вот-вот лопнут. Кисть свесилась чуть не на полметра и стала тяжелой, ленивой, раздутой.

Это был самый крупный виноград — „катта курган“. Виноградины на нем круглые, большие. Чтобы съесть такую виноградину, рот приходилось разевать, как у галчонка, и то не помещались виноградины.

Замечательная выросла кисть! Но я с ней очень мучилась.

Целый день я отпугивала от нее разных птиц. Прогоню скворцов — из-под забора лезут соседские куры. „Кыш, кыш, кыш!“ Закидаю их палками. Оглянусь, а уж возле кисти — индюшки. Наклоняют голову туда и сюда, рассматривают кисть, удивляются: „Тэк! Тхк!“ Индюк весь посинеет от восторга и объясняет: „А, бурлы! бурлы! бурлы!“

Провожу индюков за калитку — козлята. Скачут прямо через забор и косятся на мой виноград. За козлятами, ясное дело, сейчас же налезут мальчишки.

Рассаживаются все на заборе, вглядываются в чужой виноград и еще обсуждают: кислый он или сладкий?

Мы кричали мальчишкам:

— Вы куда лезете? Не видите, что ли, тут виноградник.

На это они отвечали, подробно:

— Нет, видим. И как еще видим, лучше не надо. Вон кисть какая висит, на полметра длиной.

Угладели, значит, мамину кисть. Теперь оборвут виноградины. Им что, разве они понимают, что это подарок?

Нам с дедушкой надо бы сразу кисть срезать. А мы решили: пускай уж дозреет. Два дня только еще повисит, зато уж будет на славу. И не срезали.

Только ночью я от кисти никуда не ушла. Принесла я войлочек, разостлала его на траве и всю ночь громко пела и поглядывала на забор: — Оборвите-ка виноградины, оборвите попробуйте!

До утра торжествовала, утром глянула на кисть и... Оборвали! Попробовали! Половину кисти ощипали! Не полметра, а всего только четверть метра осталось.

— Кто же это съел? Кто же это посмел? Для чего же тогда я вот тут, рядом, всю ночь не спала, караулила? Дедушка! Дедушка!

Прибежал дед-садовник. Проверил дорожки, траву, песок — никаких мальчишеских следов не видать. Это что же такое? А? Как вы думаете?

Дед сказал:

— Вот что, девочка: ты иди, поспи хорошенько, а я буду тут целый день караулить. Потом спать лягу я в шалашике, а тебе дам свисток. Ты, как только заметишь, что они перелезли забор, сразу свистни. Я мигом примчусь и поймаю.

Так мы и сделали. На ночь дед залег в свой шалашик, а я со свистком устроилась опять караулить.

Лунные ночи в жарких странах — теплые. Караулить сады очень даже приятно. Только, конечно, когда никто не лезет через забор.

Я сидела, уже не пела, все время, не отрываясь, смотрела на забор и думала:

„Эх, такую кисть не уберегла! Какой был бы маме подарок! И все дедушка виноват. Сколько раз я ему го-

ворила, чтобы он попросил у соседа щенка! Нельзя в хозяйстве без собаки. У соседа есть Дамка. Про Дамку все знают—честнее, лучше собаки не найти на всем свете. Она ночи не спит, все хозяйское добро сторожит. Небось, в Дамкин сад никто не залезает. Попросил бы дед Дамкиного щенка—была бы наша кисть в целости“.

И вот, пока я этак раздумывала, над моим ухом, как раз там, где висела громадная кисть, раздалось аппетитное: чав, чав, чав, хрумп, хрумп, чав...

Кинулась я бежать, свисток бросила, а сама во весь голос кричу:

— Дедушка!

Дед примчался, как кукла, завернутый в простыню, с одной туфлей в руках, а другую мы после неделю найти не могли: так он ее второпях закинул.

— Где? А? Что? Куда?

Я, не оборачиваясь, махнула ему на виноградные заросли. Мне нельзя было отвернуться: они в это время могли перескочить через забор и опять убежать.

Дед нагнулся над листьями. Стал их осторожно разбирать своей палкой и стыдил:

— Ай-ай-ай! Как не стыдно, ребята? Ну, пришли бы ко мне, попросили. Я вам с удовольствием выбрал бы сам кисти. Некрасиво, честное слово, нехорошо так делать. Ведь это вы нам подарок испортили. Ай-ай-ай!

Долго он их стыдил, но слова все напрасно пропали. В листьях не было никого. И через забор никто не полез. Опять они словно растаяли. И следов опять нигде не было. Вот какое таинственное происшествие!

Дед думал, что все это мне во сне показалось. Но ведь я не спала. И потом, кто же это тогда чавкал? Поглядели на кисти. Еще одну оборвали. А от моей уже не четверть метра, а всего только пять или шесть виноградин уцелело.

Я сорвала одну и с трудом—вот какая большая была!—протолкнула ее себе в рот. Мм-мм... до чего же сочная, вкусная! Ну, разве это не подлые люди, которые съели? Я с досады чуть-чуть не заплакала.

— Ну, ну, плакать нам некогда, — сказал дедушка. И тоже раскусил виноградинку. — Ах, какой виноград, внучка! Половина сахар, половина мед. Ясное дело, что они на такой виноград валом валят. Сами мы виноваты. Надо было нам их попотчевать. А мы ожаднели. Давай эту ночь караулить вдвоем.

Так мы и сделали.

Только старик как ни крепился, а все-таки скоро заснул. Видно, очень устал за день. Я сидела и пела, как и в первую ночь, только шопотом.

До самой полночи все было спокойно. А в полночь послышалось: чав, чав, хрумп...

Я сразу хотела деда будить. А потом подумала: „Пока буду будить, они убегут. Опять мы ничего не узнаем“.

Я встала, подкралась поближе, раздвинула листья и высунулась.

На лунной площадке, поднявшись на задние лапы, стояла здоровенная собачица.

Передними лапами она упиралась в виноградную кисть и уплетала виноградины за обе щеки.

— Ах, ты, мерзкая! Это ты так сторо

жишь? Сама по чужим садам лазаешь? Вот тебе и честная Дамка!

Теперь мне не хотелось будить усталого деда. Я шопотом начала прогонять безобразницу Дамку:

— Пошла вон! Пошла вон сию минуту! Собака перестала чавкать. Повернула ко мне голову и внимательно на меня посмотрела. Я подкрадывалась так же тихонько, как и она. Дамка решила, должно быть, что я тоже залезла в чужой виноградник. Она сразу разнахалилась, пробурчала что-то под нос и взялась за новую кисть.

— Пошла вон! Я кому говорю? Ты что делаешь? А?

— Я вор-рр! — прорычала собака и зачавкала еще аппетитнее.

Я схватила свисток и пронзительно свистнула. Дамка сразу метнулась к забору. Я — за ней. Дамка юркнула под забор, в канаву с водой. Я перескочила сверху.

И в соседнем саду мы с ней встретились снова.

Только здесь Дамка стала другая. Тут она была не „я ворр“, а хозяйка, защитница, сторож.

— Гав, гав, гав! — закричала она на весь сад и вцепилась мне в юбку.

Побежала я за собакой, потому что хотела пожаловаться на нее соседу. Теперь эта глупая мысль сразу выскочила у меня из головы. Я рванулась обратно, в свой, в дедушкин, сад. А она не пускает.

Я вертелась, рвала у нее из зубов свою юбку, кричала: „Пошла!“ А она не пускает.

На крик и на лай прибежали соседи. Подоспел и мой дед и глядел, раскрыв рот, на меня через забор.

— Держи, Дамка, держи! Молодчина, собачка! А ты, девочка, зачем по чужим садам лазаешь?

— Это вовсе не я...

— Гав, гав, гав! — разрывалась от усердия Дамка.

— Это вовсе не я, — начала я снова.

Но соседи все вместе заспорили, закричали, Дамка лаяла, дед тащил меня через забор. И все думали, что Дамка хорошая, честная, а я очень плохая. И никто не хотел слушать никаких моих объяснений.

— Да спросите ее самоё, если вы мне не верите! — Я совсем рассердилась, ткнула рукой в Дамкину сторону, надулась и замолчала.

— Кого спросить, Дамку? — Соседи захохотали. А Дамка чуть-чуть показала мне зубы и прорычала: я ворррр...

Но напрасно она признавалась: ее никто не услышал, а если бы даже и услышали, все равно не поверили. А потом про Дамку нельзя сказать так плохо: вор. Она ведь собака. А собаки не могут всего понимать. Вор — это тот, кто хорошо понимает, что нельзя брать чужого, и все-таки берет. А собака, она хорошо понимает только одно — нельзя никому ничего отдавать из своего, из хозяйского сада. А вот, что и самому нельзя ничего брать из чужого сада, этого Дамка не знала. Она не могла этого понять.

Когда дедушка мне все это объяснил, я совсем перестала на Дамку сердиться. Ничего, что она съела кисть и порвала мне юбку, — она все-таки очень хорошая, очень полезная.

У соседа дед взял славного, красивого, дельного щенка. Он умел сторожить еще лучше, чем Дамка. Целый день он хлопотал вместе с нами в саду, и, когда он подрос, никто не смел больше перепрыгивать к нам через забор.

Это он помог нам вырастить новый подарок для мамы — огромную грушу „дюшес“, такую большую, как стеклянный кувшин.

Если сесть в поезд „Москва — Ташкент“, через четыре дня мы будем с тобой в Узбекистане — стране, окруженной с трех сторон белоснежными горами, вершины которых задевают облака. Ранней весной эта страна подобна огромному цветущему саду, — так много цветет в ней персиковых, миндальных и гранатовых деревьев. А на залитых солнцем бескрайных полях Узбекистана цветет и зреет белоснежный хлопок, из которого сделано твое платье.

Сотни лет узбекский народ находился под гнетом царских чиновников и своих богачей.

Советская власть вернула свободу узбекам, помогла беднякам изгнать богачей, и страна расцвела.

Союз советских социалистических республик помог узбекскому народу построить хлопкоочистительные заводы, шелкомотальные и мануфактурные фабрики. Советская власть открыла для ребят и молодежи сотни школ и десятки учебных заведений.

От далекого прошлого в этой замечательной стране остались только дворцы и мечети, превращенные теперь в музеи, да сказки о тяжелых временах и жестоких ханах.

Одну из этих сказок — „О мудром попугае“ — ты сейчас прочтешь.

Сказка о мудром попугае

(Узбекская сказка)

Обработала Л. Лесная
Худ. К. Кузнецов

В давние времена у одного хана, во владениях которого не заходило солнце, жил чудесный попугай. Прекраснее не было птицы во всем мире. Его перышки сверкали всеми цветами радуги и переливались, подобно драгоценным камням. Но главное достоинство попугая была его мудрость, и хан нередко прибегал к его советам.

Хан очень дорожил редкостной птицей и держал ее в золотой клетке.

В один из дней попугай стал просить хана отпустить его на родину повидать своих родных и знакомых, обещая вскоре вернуться обратно.

Хан не поверил попугаю и не отпустил его.

Затосковал мудрый попугай в своей золотой клетке так, что даже хохолок, прежде задорно торчавший на его точеной головке, опустился.

Все окружающие заметили грусть попу-

гая, и каждый старался развеселить прекрасную птицу.

Но попугай, нахохлившись, сидел в своей золотой клетке и не обращал ни на кого внимания.

Однажды в ханский дворец привели купца, продававшего необыкновенно красивые вещи. Здесь были разноцветные страусовые перья, безделушки из слоновой кости, тончайшие шелковые ткани и прекрасные золотые украшения.

Хан стал расспрашивать купца, откуда он привез такие прекрасные вещи.

— О великий хан! Далеко за вашими горами лежит огромное море. Много дней и ночей нужно ехать, прежде чем покажется земля, называемая страной попугаев. В этой стране никогда не бывает холодно, и деревья круглый год стоят зелеными. Там живут люди, кожа которых черна, как погасший уголь. У них я приобрел эти прекрасные вещи.

Хан щедро наградил купца и отпу-

стил домой. Попугай, внимательно слушавший рассказ купца, подозвал его к себе и сказал:

— Когда вы будете снова в этой чудесной стране и увидите в роще летающих попугаев, передайте от меня им привет и скажите, что я томлюсь в золотой клетке и прошу у них совета, как освободиться от тяжелой неволи.

Купец удивился говорящему попугаю и обещал исполнить его просьбу.

Будучи в стране попугаев, однажды купец увидел в одной из прекрасных рощ разноцветных птиц, порхающих с ветки на ветку. Вспомнив поручение, он остановил караван:

— О прекрасные попугаи! Далеко за морем, за высокими горами, во дворце всемогущего хана, томится в золотой клетке ваш прекрасный собрат. Он шлет вам поклон и просит совета, как ему избавиться от неволи.

Попугаи, один за другим, замертво попадали с деревьев, словно сраженные смертельным ударом.

Изумленный купец с сожалением покачал головой при виде такого печального зрелища.

Вскоре он вернулся в страну всемогущего хана и, увидя прекрасного попугая, сказал:

— Я был на вашей замечательной родине. Я видел ваших родных попугаев и передал им поклон. Когда же я рассказал, что вы томитесь в далекой стране в золотой клетке и просите у них совета, как вам избавиться от тяжелой неволи, они замертво попадали с деревьев, словно сраженные смертельным ударом.

Услыша это, мудрый попугай замертво упал с жердочки на дно своей роскошной золотой клетки. Испуганный купец пустился со всех ног наутек, опасаясь ханского гнева.

Слуга доложил хану о смерти его любимца.

Хан задрожал от гнева и приказал немедленно отрубить печальному вестнику голову.

Когда гнев отошел от ханского сердца, он приказал принести прекрасного попугая, чтобы полюбоваться на него в последний раз.

Положив прекрасного попугая на вы-

шитую золотом шелковую подушку, хан долго вспоминал все шалости и забавы своего любимца, а затем собственноручно понес его в сад, чтобы зарыть его под огромным карагачем.

Лишь только хан положил прекрасного попугая в вырытую ямку, как тот мгновенно взмахнул своими разноцветными крыльями и взлетел на самую вершину карагача, ветви которого подпирали небо.

Изумленный хан застыл от неожиданности, а мудрый попугай, заливаясь веселым смехом, молвил:

— О великий хан! Я просил вас отпустить меня погостить на мою прекрасную родину. Но вы были жестоки и отказали мне. Тогда я решился пуститься на хитрость, и вот я на свободе! Пусть вас развлекают словоохотливые, но скудоумные визири, в гордости подобные павлинам!

Смущенный хан взмолился:

— О мудрый попугай! Я буду скучать без твоей веселой болтовни и мудрых советов. Я обещаю тебе, если ты вернешься, сломать золотую клетку и отвести почетное место на спинке моего трона. Хочешь, я сделаю тебя своим первым визирем, только вернись, о моя прекрасная птица!

Польщенный попугай обещал хану вернуться через два года и полетел в страну попугаев.

Когда назначенный срок подходил к концу, мудрый попугай собрался в обратный путь и стал думать, что бы привезти хану в подарок.

Один из старых попугаев, клюв которого загнулся от мудрости подобно крючку, предложил:

— Свези своему хану в подарок семян белого и черного тута; они обладают волшебной способностью, которая немало позабавит твоего повелителя. Если человек с белой бородой съест хотя бы одну ягодку черного тута, его борода мгновенно станет черной, как погасший уголь,

но стоит ему отведать белого тута, она вновь станет бела, как снег.

Покинув своих друзей и родных, прекрасный попугай вернулся к хану и подарил ему семена тута.

Получив такой дорогой подарок, хан тотчас же приказал своему садовнику посеять их и в награду назначил попугая своим первым визирем.

Через несколько лет из этих семян выросли большие тутовые деревья, которые покрылись белыми и черными ягодами, вызывавшими у людей удивление.

Однажды хан, борода которого за это время успела побелеть, приказал подать ему черных и белых тутовых ягод.

Прекрасный попугай, преважно восседавший на спинке ханского трона, горделиво распустил свой хвост, как бы предвидя всеобщее удивление.

Садовник с поклоном поднес хану чудесные ягоды.

Лишь только хан поднес черную ягоду к губам, второй визирь сказал:

— Тасхыр¹! Не лучше ли испробовать это волшебное средство на ком-либо другом? К чему вы подвергаете вашу драгоценную жизнь такому риску? А вдруг вы лишитесь своего лучшего украшения, такой прекрасной бороды?

Хан согласился и, приказав привести двух преступников, осужденных на смерть, дал им отведать чудесных ягод. Лишь только преступники проглотили ягоды, как тут же упали и через несколько минут умерли в страшных мучениях.

¹ Тасхыр — господин.

Хан с ужасом смотрел на распростертые мертвые тела и в знак благодарности за мудрый совет снял со своей шеи драгоценную цепь и повесил ее на шею мудрого визиря, сказав, что он делает его снова первым визирем. Затем он схватил прекрасного попугая и одним движением гневной руки швырнул его оземь...

Первый визирь с презрением толкнул ногой еще трепещущее тело прекрасной птицы и приказал выбросить ее.

Хан, бросив последний взгляд на своего любимца, побрел в свои покои.

С тех пор тутовые деревья получили название „деревьев смерти“, и люди даже боялись подходить к ним.

Однажды первый визирь одолжил одному престарелому бедняку денег на покупку овец. Но это был год, когда свирепствовал джут¹. Овцы пали, и бедняк не мог вернуть во-время взятые деньги.

Первый визирь, отличавшийся крайней жестокостью, приказал своим слугам схватить несчастного бедняка и посадить в долговую тюрьму.

Бедняк, подгоняемый пинками жестоких слуг, вырвался и бросился бежать.

Видя, что ему не уйти от преследователей, бедняк в отчаянии побежал к „дереву смерти“, предпочитая смерть сидению в долговой яме. Он знал, что ему придется там пробыть до конца своих дней.

Сорвав горсть черных ягод, бедняк

проглотил их.

Каково же было его удивление, когда поседевшая за его горькую жизнь борода мгновенно почернела.

Не веря

¹ Джут — падеж скота.

своим глазам, бедняк подбежал к туту, покрытому белыми ягодами, и, набив полный рот, стал торопливо жевать их. Не успел он проглотить чудесные ягоды, как борода его снова стала белой, как египетский хлопок.

Между тем подбежавшая стража схватила его и повлекла во дворец разгневанного хана, который проснулся от поднятого шума.

Несчастный бедняк повалился хану в ноги и молвил:

— О мудрый и добрый хан! Простите старика, осмелившегося нарушить ваш покой. Я стар, и челюсть моя сгнила. Вы вольны казнить меня или миловать. Позвольте же мне сказать вам правду, которую все так тщетно от вас скрывают.

— Выведите этого мерзкого нищего, кричащего подобно ослу! — в бешенстве закричал первый визирь.

Слуги набросились на несчастного бедняка и заткнули ему рот, но хан гневно топнул ногой, и слуги разбежались.

— Говори, старик! И горе тебе, если ты скажешь хоть одно слово лжи.

— О мудрый хан! Доведенный крайним отчаянием, я решил покончить с собой. С этой целью я подбежал под черное „дерево смерти“ и проглотил смертельную ягоду. Каково же было мое удивление, когда я не почувствовал ни малейших признаков смерти, но увидел, что моя белая борода почернела!

Принимая это чудо за предсмертный бред, я в отчаянии подбежал к белому „дереву смерти“ и проглотил несколько белых ягод. Язык мой отяжелел, но не от приближения смерти, а от того, что я заметил, что моя черная борода вновь побелела.

Хан недоверчиво слушал рассказы старика и стал искать взглядом своего первого визиря, который тем временем незаметно скрылся.

Заподозрев неладное, хан приказал на-

рвать ему волшебных ягод и немедленно найти первого визиря. Запыхавшийся слуга подал хану волшебные ягоды.

Хан попробовал черную ягодку, и его белая борода почернела. Тогда он проглотил белую ягодку, и его борода снова стала белее первого снега.

Хан сурово сдвинул брови и приказал немедленно казнить вероломного визиря. Через некоторое время слуги привели упиравшегося визиря, которого они нашли в густых ветвях волшебного тута.

Разгневанный хан приказал дрожащему визирю рассказать всю правду.

Визирь сознался в том, что, ненавидя прекрасного попугая, он решил сжить его со света. Он приказал садовнику подсыпать в тутовые ягоды сильно-го яда. Так он добился смерти ненавистного попугая и занял место первого визиря.

Хан приказал казнить под туловыми деревьями вероломного визиря и грустно побрел в свои покои, вспоминая мудрого попугая.

Слезы показались на глазах у хана, когда он увидел пустую золотую клетку.

Опустившись на колени, он горько заплакал:

— О, насмешка судьбы! Я не могу даже оплакать могилу своего любимца, кости которого сгнили вместе с отбросами в мусорной яме.

Тем временем ханские слуги привели первого визиря под тутовые деревья, и палач одним метким ударом снес ему голову. И лишь только на землю брызнули первые капли крови вероломного визиря, земля раскололась на-двое, и из трещины вылетел прекрасный попугай.

Подбежавший хан застыл от изумления, а слуги в страхе упали на землю.

Вдруг среди гробового молчания раздался насмешливый голос попугая:

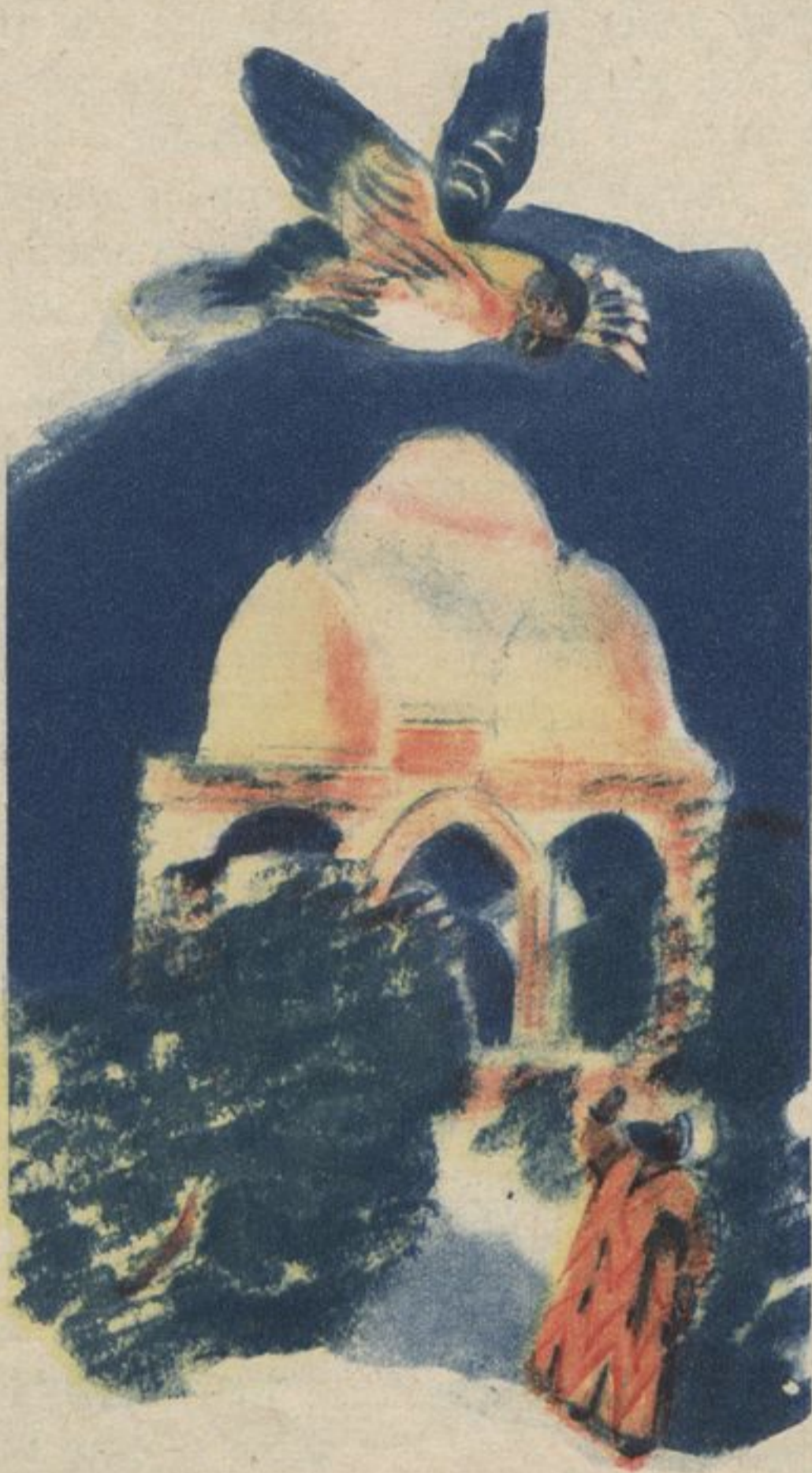
— Тасхыр! Больше вы никогда меня не увидите. Прощайте и помните, что у вас был верный друг, которого вы собственноручно убили.

— О прекрасный попугай! — завопил пристыженный хан. — Вернитесь ко мне, и я верну вам звание первого визиря. Я отдам в ваше распоряжение ключи от моей казны, и вы будете главным бием¹.

— Нет, тасхыр! Порядочному попугаю недостойно быть ханским визирем, а деньги в вашей казне омыты потом и слезами многочисленных бедняков. Я предпочитаю вернуться на родину, — закончил попугай и, взмахнувши своими сияющими крыльями, взвился вверх.

Хан, как зачарованный, следил за полетом чудесной птицы и, когда она скрылась из виду, понуро опустил голову.

¹ Бий — судья.

Первый полет

Лиам О'Флаэрти
Худ. Р. Барто

Малыш-чайка остался один на выступе скалы. Где-то далеко внизу колыхалось огромное шумящее море, глухо ударяясь о камни. Малышу было жутко и тоскливо...

Его два брата и маленькая сестренка улетели со скалы днем раньше. Это был их первый полет. На его глазах они подбежали к краю выступа, весело захлопали крыльями и полетели над морем. Он должен был лететь вместе с ними. Криками они приглашали его следовать за собой.

Но когда малыш-чайка, проделав небольшой путь от своей норки до обрыва, глянул вниз, он вдруг струсил... Под ним была бездна.

А вдруг крылья не будут служить ему и он камнем упадет в море? Нет, нет, он ни за что не решится броситься с утеса... Он наклонил голову, побежал обратно и забился в свою нору в скале, где он спал по ночам.

Тогда его отец и мать полетели за ним, резкими криками приказывая ему лететь. Они пронзительно бранили малыша, угрожая ему всякими карами.

— Мы бросим тебя здесь!

— Ты умрешь с голоду на скале, если не полетишь с нами. Лети же, лети!

Но непреодолимый страх попрежнему сковывал малыша-чайку. Даже ради спасения своей жизни он не мог побороть ужас перед бездной и трусливо жался к скале.

Произошло это двадцать четыре часа тому назад.

Его родители выполнили свою угрозу. С тех пор никто к нему не являлся.

Одинокое на своей скале он весь день печально смотрел, как летают его родители, как они учат его братишек и сестренку летать. Они свободно и весело реяли в воздухе, иногда опускались вниз, к поверхности моря, и показывали своим детям, как надо скользить по волнам и как нырять за рыбой.

И малыш-чайка с завистью увидел, как его старший брат выхватил из воды свою первую добычу — селедку, сверкнувшую серебром, — и проглотил ее.

Стоя на краю выступа, малыш-чайка жадными, голодными глазами смотрел на брата. А в это время отец и мать летали вокруг его братишки и громко, одобрительно гоготали, гордясь им.

Вечером снова никто не прилетел к нему.

Малыш провел грустную и одинокую ночь в углублении скалы.

На другое утро он проснулся с зарей. Подойдя к краю выступа, он увидел на большой площадке соседнего утеса всю свою семью.

Громко гогоча, чайки прогуливались там взад и вперед. Иногда все они с насмешкой поворачивали головы в его сторону.

— Трусишка! — гоготали ему родители, а вслед за ними смеялись над ним и братья с сестренкой.

— Трусишка!

К полудню солнце высоко поднялось на небе и залило своими ослепительными лучами выступ скалы.

Малыш изнемогал от жары и голода. Он не ел уже целые сутки.

Он обыскал весь выступ и лишь в одном углу нашел маленький кусочек высохшего хвоста макрели. Это было все, что ему досталось.

Он осмотрел каждый предмет на выступе, рылся в грязной, сбитой соломе родного гнезда. Он поклевал даже твердой высохшей яичной скорлупы. Это уже было похоже на самоедство. Ведь из этой самой скорлупы вылупился он сам, и его братья, и сестра.

— Ах, если бы поесть свеженькой рыбки!

Он грустно и бесцельно ходил взад и вперед по скале, осторожно ступая по горячему камню своими длинными серыми ножками.

— Как бы это по скале добраться до своих? Только бы не лететь!

Но что он ни придумывал, как ни ломал себе голову, ничего не выходило. Выступ круто обрывался над шумящим внизу морем. Между ним и его

семьей простиралось море. При одном взгляде на него у малыша кружилась голова.

— А, может быть, все-таки попытаться? — мучительно соображал малыш. — Что, если пойти по направлению к северу, вдоль скалы? Но на чем же он будет держаться? Скала совершенно гладкая, а он ведь не муха, чтобы ходить по голому утесу.

Малыш-чайка так и не придумал ничего.

Тогда он медленно двинулся к краю выступа. Отсюда его могли видеть родители. Там, стоя на одной ноге и подобрав другую под крыло, он закрыл один глаз, потом другой. Он притворился, будто засыпает. Но никто не обратил на него внимания.

Уголкем глаза он видел своих братьев и сестренку, лежащих на площадке скалы. Они дремали, спрятав головки под крылья. Его отец чистил перья на своей белоснежной спинке. Одна только мать украдкой взглядывала на него.

Мать стояла на небольшом камне. Время от времени она раздирала кусок свежей жирной рыбы, лежавшей у ее ног, а затем терлась клювом о камень.

Запах рыбы свел малыша с ума.

Он громко и нетерпеливо крикнул.

Мать ответила ему и вопросительно посмотрела на него.

— Га-га-га! Га-га-га! — настойчиво кричал малыш, прося мать принести ему пищу.

— Гау-аол! — насмешливо ответила ему мать.

Малыш продолжал жалобно просить.

Вдруг он встрепенулся и издал радостный крик. Его мать, схватив кусок рыбы, летела по направлению к нему.

Малыш жадно подался вперед, нетерпеливо перебирая ногами, стараясь ближе придвинуться к летящей матери.

Вот она подлетела к нему почти вплотную. Сейчас она опустится на выступ скалы...

Малыш уже жадно открыл рот в ожидании пищи.

Но что это?

Чайка неожиданно вытянула ноги, распластала крылья и застыла непо-

движно в воздухе, у края выступа. Кусок рыбы в ее клюве почти коснулся носа птенца.

Птенец замер от изумления, не понимая, почему мать не протягивает к нему клюва с пищей. Голод сводил его с ума. Кусок рыбы в клюве матери раздражающе маячил перед его глазами.

Не помня себя, он кинулся к рыбе — и... с громким криком свалился в бездну.

Мать полетела к нему навстречу. Быстро падая вниз, он пронесся мимо нее и услышал позади себя свист ее крыльев.

Жуткий страх охватил его, и сердце перестало биться. Он ничего больше не слышал и не видел. Но это продолжалось один миг.

Вдруг он почувствовал, как крылья его распускаются и кончики их со свистом прорезают воздух. Малыш выставил серую грудку против ветра. Он уже не падал теперь. Он медленно и плавно летел вниз.

Страх у него сразу пропал. Только немного кружилась голова. Внизу все слышнее шумело море.

Малыш-чайка попробовал хлопнуть один раз крыльями и сразу поднялся вверх.

Крикнул радостно, хлопнул еще раз крыльями и полетел еще выше.

— Га-га-га! Га-га-га! — победно и торжественно прокричал малыш.

— Гау-ул-а! — ободряюще ответил знакомый голос.

Его мать, махая изогнутыми острыми крыльями, летела вслед за ним.

Он снова крикнул ей в ответ.

— Га-га-га! — послышались рядом знакомые веселые голоса. Отец, братишки и сестренка летели ему навстречу.

Они стали кружиться вокруг него, плавно падая вниз, поднимались, парили и ныряли в воздухе.

Птенец совсем забыл, что он до этих пор вовсе не умел летать. Вместе с другими он начал также парить и кувыряться в воздухе, сопровождая свой полет резкими радостными криками.

Теперь уже малыш летел над водой, смело знакомясь с морем. Высокие зеленые волны с белыми гребнями, как бы играя, подкатывались к берегу.

Он еще раз крикнул от удовольствия.

Его родители, братья и сестренка опустились на воду и, покачиваясь на зеленых колыхающихся волнах, криками звали его к себе.

Он спустил ноги, чтобы стать на эту колыхающуюся поверхность.

Ноги его неожиданно погрузились в воду.

Малыш закричал от страха и захлопал крыльями, пытаясь снова подняться в воздух.

Но усталый и ослабевший от голода и от новых, незнакомых упражнений он почувствовал, что не может больше подняться вверх, и начал погружаться в море.

— Га-га-га! — отчаянно закричал малыш. Но в этот миг он коснулся воды своим брюшком. Больше он не погружался!

Он плавал.

Чайки снова окружили его. Они все громко поздравляли малыша и протягивали ему в своих клювах трепещущую рыбу.

Так малыш-чайка совершил свой первый полет.

*Перевела с английского
Л. Бычкова*

Опасный путь по Байкалу

Однажды папа, мама и я поехали по Байкалу в поселок «Горемыка» из села Козлова. Поехали мы на моторе. Когда мы поехали, была маленькая зыбь. Когда мы проехали километров тридцать, нас стало сильно качать разыгравшимися волнами. Сломался мотор, и нас утащило в море за 30 километров от берега. Мотор наладили, и мы только поехали, оторвалась мореходка, которая была прицеплена к мотору вместе с баркасом. Пока ловили мореходку, оторвался баркас. После долгих мучений поймали и прицепили к мореходке. В это время опять сломался мотор. Пока ладили его, был уже рассвет, а буря разыгрывалась все сильнее. Пассажиры потеряли надежду на спасение. Мотор, мореходку и баркас бросало по морю, как щепки. Мотор, мореходка и баркас бились друг о друга, а нам, пассажирам, нечем было оттолкнуться. Горный ветер бушевал во-всю.

Мотор пошел, и к двенадцати часам мы приехали в поселок «Горемыка». Мы сошли с мореходки, и мотор пошел в речку на отстой от бури.

Только он успел дойти до речки, сразу же пошел ко дну, так как в пути получил пробоину. Этот случай я никогда не забуду.

По Байкалу очень опасно ездить осенью, когда он бушует. Даже и зимой по Байкалу ездить опасно, потому что на льду бывают большие щели. А в бурю бывают даже такие случаи, что по гололедке уносит далеко целые обозы и даже забивает о торосы лошадей. Когда идет обоз, в большую бурю, лошадей связывают по десять—пятнадцать вместе в ряд. Ветры на Байкале бывают очень большие. Льды на нем расходятся на три-четыре метра в ширину, а в длину — на километр и больше.

*Педич Вова
Северо-Байкальский район,
Ангарская школа*

Гроза

Молния блеснула,
гром ударил вдруг.
На лице у Пети
был большой испуг.
Он так испугался,
что не мог идти.
И пришлось ребятам
домой его нести.

*Катя Демченко, 10 лет
Ст. Малаховка, Каз. ж. д.*

Птичьи гнезда

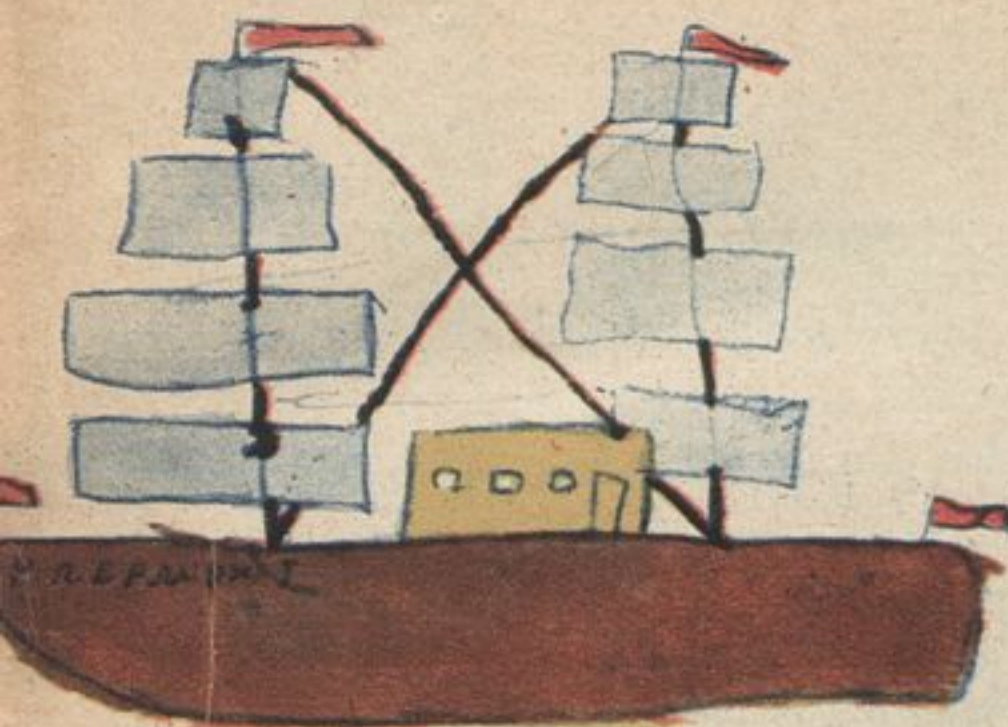
Мы живем в Армении, на станции Алла-Верды. Летом здесь жарко. Каждое лето мы выезжаем на дачу. Один раз мы пошли за малиной и ежевикой. Мой брат Армик и его товарищ нашли на дереве гнездо с птенчиками. Они разорили гнездо, а птенчиков забрали с собой. Мама сказала им: «Унесите их, положите на место», а Нона говорит, что птенчикам лучше будет жить у нас.

Дома мы их кормили мушками, червячками и тутой. Птенчики прожили всего два дня, а на третий день умерли. Когда мы пошли опять в горы за малиной, мы увидели, что птички летают над деревом и жалобно-жалобно пищат. Мама сказала, что они ищут своих птенчиков. Нам стало так жаль их, а мой маленький брат Жорик даже заплакал.

Мы тогда маме сказали, что больше не будем разорять птичьи гнезда.

Альвина Мирзоян, Армения

ПУТЕШЕСТВИЕ «КЛЕРМОНТА»

Мы с Леней пошли пускать пароходики на Белую речку. Белая впадает в реку Иман. По ту сторону реки Иман китайский город, а по эту наш город — Иман. У меня было три пароходика, а у Лени — два. Когда мы пришли на Белую речку, то стали строить города, сопки, гавани. Самая большая гавань была у меня: она имела 60 сантиметров в

длину и 30 в ширину, а глубиной она была в 20 сант.

Пароходик «Клермонт» вышел в первый рейс по направлению к Лениной гавани «Патанг». Подходя к гавани, «Клермонт» вдруг круто повернул на середину речки и поплыл с огромной быстротой по направлению к китайскому городу. Скоро он скрылся из глаз.

Назавтра мы с Леней снова пришли к нашим гаваням. Все было цело, кроме небольшой сопки «Рейн». На эту сопку ветер нагнал моего «Клермонта». Мачты его были сломаны. Тогда в честь «Клермонта» мы назвали сопку «Рейн» сопкой «Гибели Клермонта».

Вот какое путешествие совершил игрушечный пароходик «Клермонт».

Михайлов Валя, 11 лет
Владивосток

Моя любимая игра

Мы все во дворе играем в «Чапаева». Чапаев у нас — Коляк Плясухин, а я — его ординарец Петька.

Мы с Чапаевым ничего не боимся. Первыми, впереди всех, нападаем. Когда я вырасту, я обязательно буду военным и буду служить на лошади у Буденного.

На лошади нападать не страшно будет.

Можно стрельнуть, а потом под живот лошади спрятаваться. Лошадь ученая, — она знает, как от врагов ускользнуть.

Кумотин, Москва

Загадка

Овсом не кормят,
кнутом не голят,
а как пашет —
пять плугов тащит.

Артур Ковалик, 9 лет

За Волгой

Мы в выходной день ходили за Волгу, там было гулянье. Мы бегали по лесу, собирали цветы и ветки. Мы зашли далеко от места гулянья. Там была небольшая гора, мы бегали на нее и смотрели в лес. Когда мы пришли домой, было уже 9 часов вечера. Мы легли спать, а на другой день убрали свои уголки ветками.

Кротковская Мура, Степанова Лида,
г. Калинин

В Москве

Я окончила II класс на „отлично“ и получила похвальную грамоту. Теперь я отдыхаю в детском городке в Сокольниках. Там очень весело. В комнате игр я построила парк культуры и отдыха. Он вышел очень красивый. В моем парке были качели, карусели, по дощечкам бегали деревянные человечки, по Москва-реке плыл пароход, а козлик в повозке катал ребятшек.

Еще я построила скотный двор.

Рена Офман, 9 лет,

Шарада

Этим словом называют нечестного человека. Читая с конца, получишь углубление. Прибавь к нему местоимение, получится название птицы.

Фаня Винтер, 12 лет, г. Горький

Отгадки на головоломки, помещенные в „Мурзилке“ № 5:

Шесть копеечных монет надо расположить так:

Военные знаки располагаются по клеткам в таком порядке:

□	△	□	☆
△	□	☆	□
□	☆	□	△
☆	□	△	□

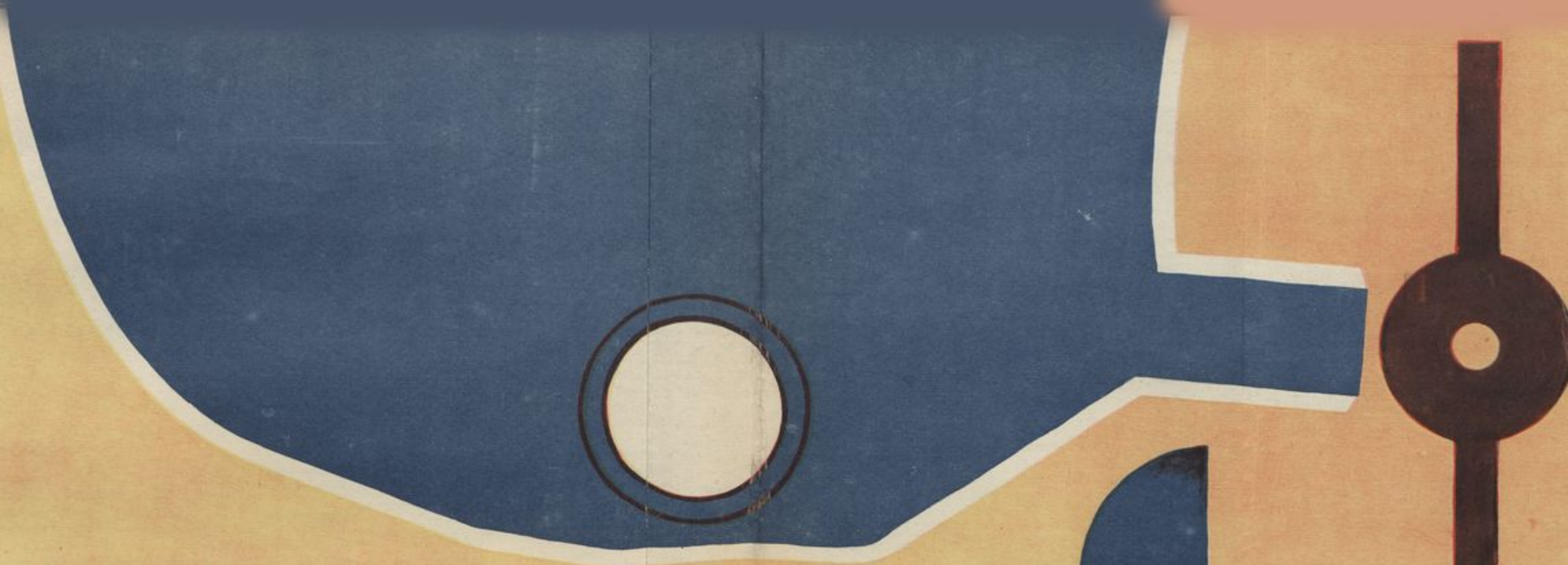
Первыми отгадали головоломки: Фаня Винтер — г. Горький, и И. Радкин — г. Минск.

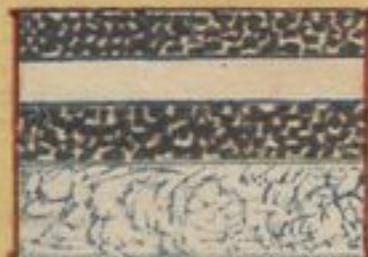
Эхо

*Е. Благинина
Худ. М. Михаэлис*

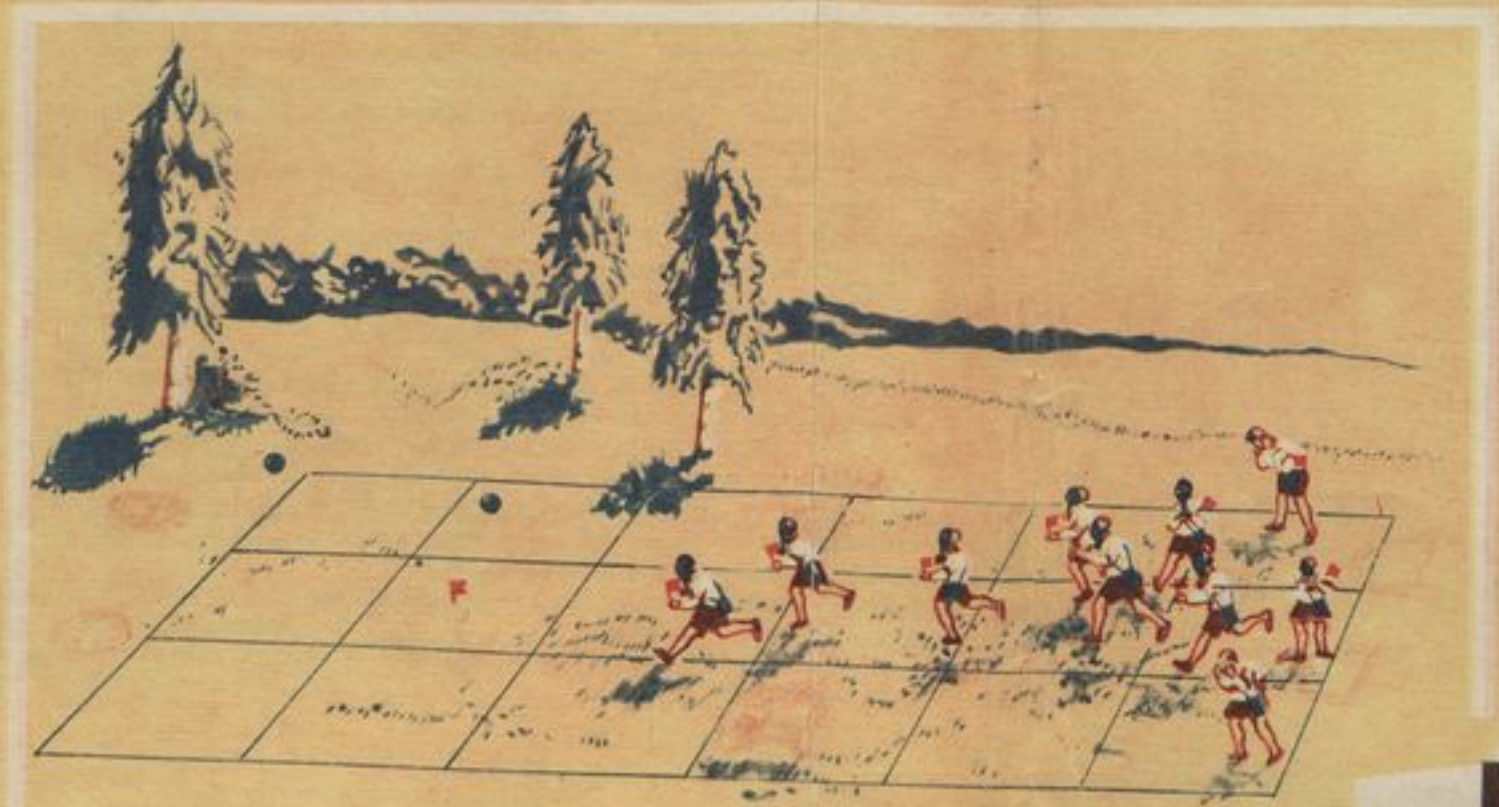
Я бегу у самого откоса
и смешную песенку пою.
Эхо звонко и разноголосо
повторяет песенку мою.
Я спросила эхо:—Замолчишь ты?
А сама притихла и стою...
А оно в ответ мне:—ишь ты... ишь ты!
Значит, понимает речь мою!
Я сказала:—Ты поешь нескладно!
А сама притихла и стою...
А оно в ответ мне:—ладно... ладно!
Значит, понимает речь мою.
Я смеюсь—и все звенит от смеха.
Замолчу—и всюду тишина.
Иногда гуляю я одна,
а не скучно, потому что эхо.

3

3

2

4

3

Самолет на

КАК СДЕЛАТЬ П

Пользоваться противогазом должен уметь каждый в нашей стране — и взрослые и ребята. У нашей родины много врагов, мы все должны быть готовы к ее обороне.

Правда, противогаз по нашей выкройке не защищает от ОВ, то есть отравляющих веществ, но играть в нем ты можешь свободно.

Начнем с маски — шлема. В настоящем противогазе маска изготовлена из резины, а глаза защищены стеклами. Ты свою маску сделай из материи. Хорошо бы материю взять серого цвета, под цвет резины.

Наложи выкройку маски (рис. 1) на материю, вырежь две полумаски и сшей их, по краям пришей тесемки — завязки. Вместо стекол в своей маске вырежь черные квадратики или, если есть у тебя листик целлулоида, вырежь кружки полностью и к полученному отверстию изнутри пришей целлулоид. Маска готова. Теперь займись коробкой противогаза, которая обычно делается из железа и наполняется различными веществами, очищающими воздух от ОВ (отравляющего вещества). Нашей коробкой будет служить пустая банка из-под консервов.

Очисти ее, вымой и прикрепи к ней сшитую маску.

Для этого в дне нашей банки гвоздем несколько дырок, одной из которых вырежь узкий в виде трубки канал (рис. 2).

В настоящем противогазе находится обычно мелкий уголь. Ты тоже можешь положить в свою коробку мелкого или каменного угля. В настоящем противогазе есть прокладка в виде марли, а ты положи лист марли, который не смешался с следующим слоем. Этот слой — вещество в виде порошка, который поглощает и уничтожает отравляющие вещества, заменяющий сетку и марлю.

Таким образом в нашей коробке теперь сверху положи вату. Остается закрыть коробку, но для этого крышка должна иметь отверстие, так, чтобы крышка не открывалась.

ИГРА В ПРОТИ

Место для игры найти нетрудно. Для этого может подойти любая площадка. Правда, ее нужно сначала приготовить. Нарисовать большой прямоугольник, а в нем много маленьких квадратов. На земле провести линии заостренной палкой, а на асфальте мелом или углем.

Площадку нарисуйте длиной в 12 метров и шириной в 6 метров. Это будет город. Каждая клетка — район города. По обеим сторонам города стоят две команды: одна команда самолетчики — нападает на город; у нее большие мячи одного цвета. Другая команда — защитники города; у нее флажки на маленьких подставках или с заостренными древками для втыкания в землю. Мячи у команды защитников другого цвета или другой величины. Команда защитников играет в противогазах. У команды самолетчиков каждый мяч — это химическая бомба. Квадрат, куда попал мяч самолетчиков, отравлен. Тогда защитники должны отметить этот квадратик флажком, чтобы предупредить жителей об опасности. Установка флажков защитниками города про-

изводится в противогазах по той же схеме, что и в противогазах. То есть под ударами мячей защитника, когда он ставит флажок на «убитом» и выбывает из строя. Мячи самолетчиков попадет только в квадрат, где защитник не поставил флажок. Если защитник не поставил флажок, мяч остается на месте, поставивший его вырывает. Вырывает мяч защитники из команды защитников. Если защитники не вырывают мяч — дегазационный мяч — дегазационный мяч — возможность вернуться в свою команду.

Порядок игры такой: команда защитников должна как можно скорее вырвать мяч с площадки, попав туда мячом. Если защитники города успели вырвать мяч, команда защитников поражены квадраты, на которых играют, если они успеют вырвать мяч из квадратов города, попадая мячом в квадрат, где защитники не поставили флажок. Если защитники не выигрывают в том случае, если защитники не поставили флажок на все клетки-квадраты, поставившие флажок защитники проигрывают квадрат.

Д ГОРОДОМ

ПРОТИВОГАЗ

нки, в центре ее, про-
чек (5-6). Игла с нит-
чки поможет соеди-
нец маски с коробкой

в верхней части нахо-

Он задерживает газ.

мелкие кусочки дре

Затем в настоящем про-

де металлической сетки

бумаги, чтобы уголь

поем — химическим по-

де зернышек желтого

аз. А ты замени его

и. Снова лист бума-

и, и снова насыпь угля.

коробке уже три слоя.

и еще лист бумаги.

чем? Наша консерв-

крышку, которую мы

ные консервы. Теперь

Гвоздиком пробей в

и, отогнув, укрепи ее

залась. Если ты покра-

сишь коробку в темнозеленый цвет (защитный), то
твой противогаз внешне будет похож на настоящий.
Однако, в нем нехватает выдыхательного клапана,
который в настоящем противогазе укреплен в ниж-
ней части маски, сзади трубки, соединяющей маску
с коробкой.

По рисунку 3 из двух кружков и длинной полоски
бумаги сделай клапан, для чего вырежь все это
и склей концы полоски так, чтобы образовавшееся
кольцо было по окружности равно меньшему
кружку.

В склеенном кольце в верхней и нижней стороне
есть зубчики; загни их внутрь и, смазав клеем, поло-
жи сверху и снизу по вырезанному кружку.

Свободными двумя концами приклей полученный
клапан к маске в месте, показанном на рисунке. Уже
теперь твой противогаз совершенно готов.

Зная, что настоящий противогаз хранится в сум-
ке из материи, ты сшей себе сумку, да только
сшей аккуратно, примерно, по величине коробки и
маски (рис. 4).

В Красной армии каждый красноармеец имеет
свой личный противогаз. На сшитом мешке напиши
свою фамилию* и имя.

А. Немировский.

ПРОТИВОГАЗАХ

д огнем самолетчиков,

Если мяч попадет в за-

флажок, он считается

оя. Если же мяч само-

квадрат, защитник дол-

вить флажок и ждать,

можно только так:

ников бросают ему свой

р, и это дает ему воз-

команду.

анда самолетчиков ста-

отравить все квадраты

и не допустить, чтобы

ставить флажки, отме-

ты. Самолетчики вы-

поразить всех защитни-

в тот момент, когда те

на квадрат. Защитники

если они успеют запл-

оставив флажки. Само-

с, если бросят свой мяч

в клетку, где уже поставлен флажок. Тогда защит-
ники города без боя ставят флажок на любую
клетку. Если же самолетчики промахнутся, мяч воз-
вращается им, и никаких наказаний они за это не
несут.

У самолетчиков должно быть не менее 2-3 мячей
при 8 играющих.

У защитников города должно быть два мяча и
флажки по числу клеток, нарисованных на пло-
щадке.

Число играющих в каждой команде не ограни-
чено, но желательно, чтобы число их не превы-
шало 20. Это значит, что в игре могут принять уча-
стие от 10 до 40 человек.

Чтобы узнать, какая команда лучше, можно
играть на время. Сначала одна команда изображает
самолетчиков, а потом — другая. Команда, которая
скорее закончит игру в обоих случаях, считается
победительницей.

Площадка для игры показана на рисунке.

Самсон Глязер

ЗАГАДКИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

ОСТЯЦКАЯ

1. Что человек утром считает, вечером считает, всю жизнь считает, а сосчитать не может?

НЕНЕЦКИЕ

2. При двух руках, с одной ногой ходит по воде, на себе носит, а не тонет.

3. Не зверь, а с ребрами; в дорогу идет — шкуру снимает и ребра складывает; придет на место — ребра расставит и шкурой оденется.

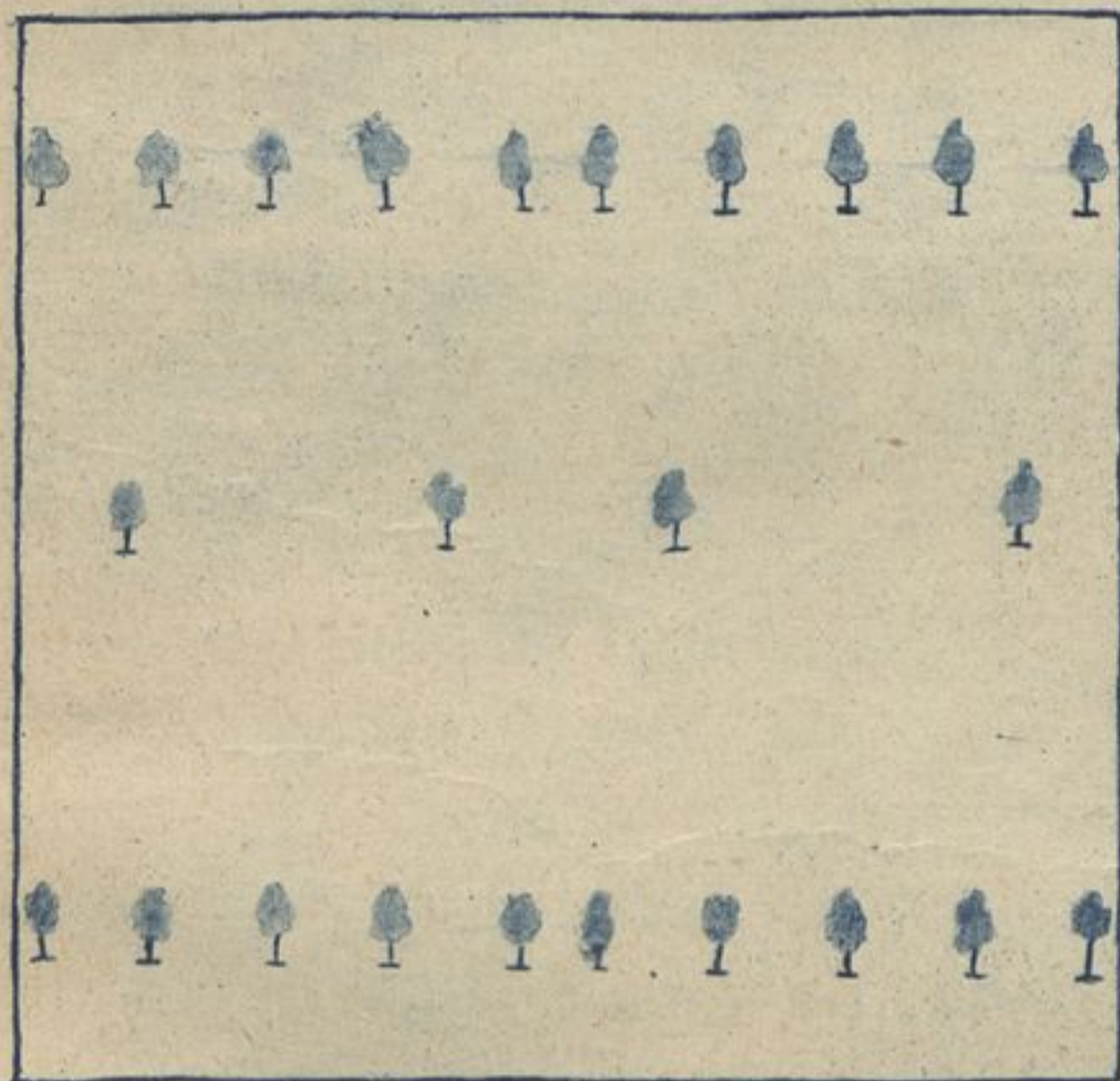
ДОЛГАНСКАЯ

4. Ума нет, а хитрый.

РАЗБЕЙ УЧАСТОК

На участке земли растут двадцать четыре дерева.

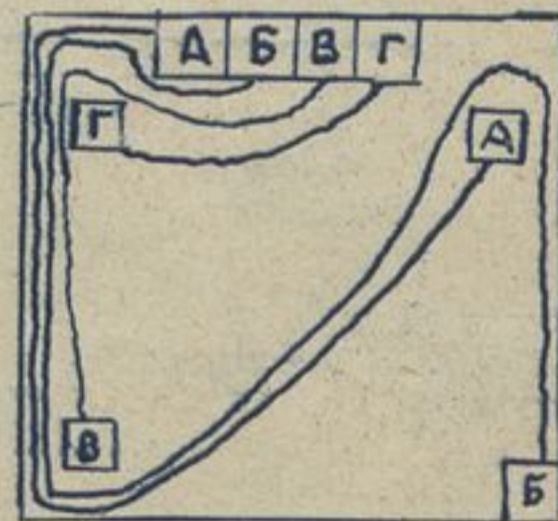
Разбей этот участок пятью изгородями так, чтобы на каждом маленьком участке росли три дерева.

СОДЕРЖАНИЕ

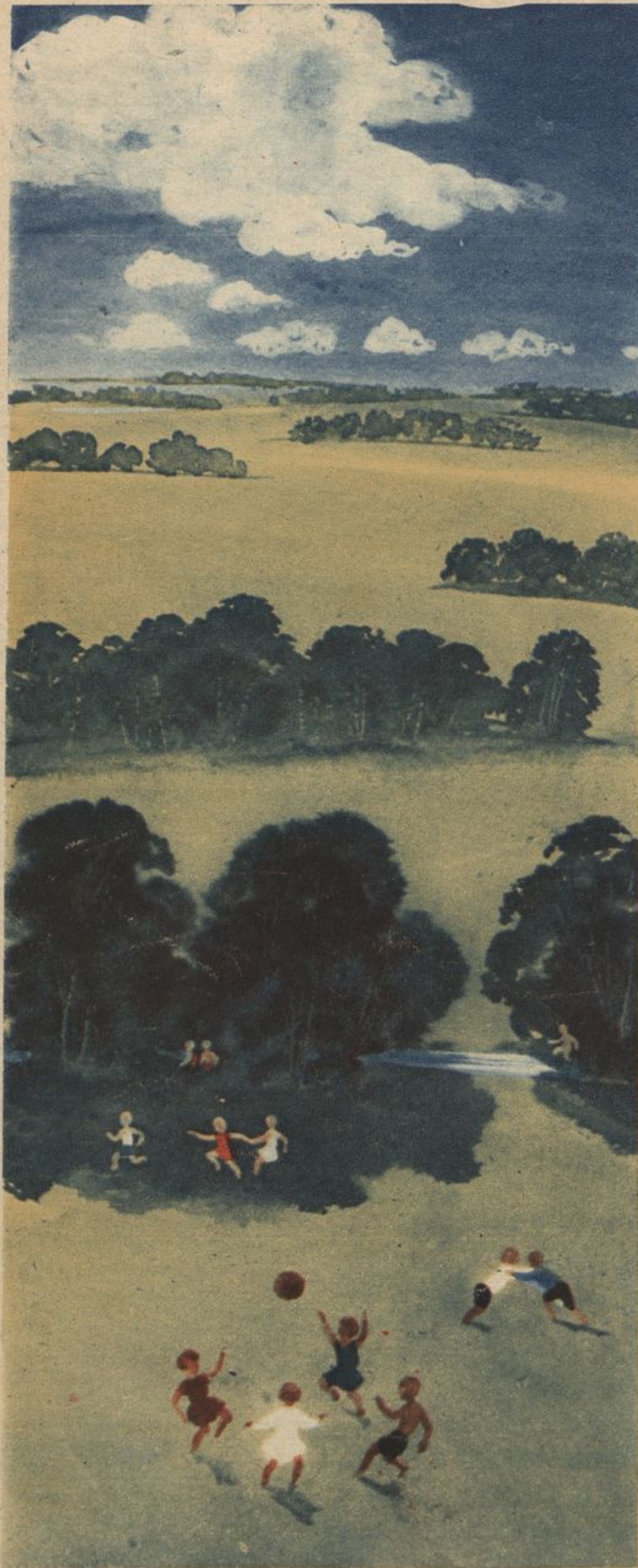
Алексей Максимович ГОРЬКИЙ . . .	1
Дети. Рассказ Максима Горького . . .	2
Казбек. Письмо читателей библиотеки имени Усиевича т. Буденному и ответ заместителя т. Буденного брига И. Н. Тюленева	4
Про собаку, которая не могла понять. Рассказ О. Перовской, рисунки худ. А. Брея	6
Сказка о мудром попугае. Перевела с узбекского и обработала Л. Лесная, рис. худ. К. Кузнецова	10
Первый полет. Рассказ Лиам О'Флаэрти, перевод с английского Л. Бычковой, рисунки худ. Р. Барто	15
Газета читателей „Мурзилки“. Письма и рисунки читателей	18
Эхо. Стихи Е. Благиной, рис. худ. М. Михаэлис	20
Загадки северных народов.	
Разбей участок—головоломка.	
На речке. Стихи М. Рыльского. Перевод с украинского Е. Благиной, рисунки худ. А. Брея	
На обложке: „Портрет дочери“ с картины И. Репина.	
Приложение: Самолет над городом (игра в противогазах)—Самсон Глязер.	

Отгадка на головоломку „В школу“ в № 5.

Исправь ошибку в № 6

На странице 16-й в отрывке „Сколько пчел в улье?“ вместо: „каждое яйцо весит не меньше, чем весит тело самой матки“ — правильно будет: „Все яйца вместе весят не меньше, чем тело самой матки“.

№ 50-70 На речке

М. Рыльский
Рис. худ. А. Брея

Как синяя дорога,
прохладная река.
Ребят не очень много,
а шум — под облака!

И крики там, и слезы,
и песни там, и смех...

Но птицы на березе
щебечут громче всех.

Поют, не умолкая,
звонят наперебой:

— Ой, небо! Ой, без края!
Ой, ветер голубой!

На дне хвостом вильнули
ленивые линии.

Когда бы не заснули,
запели б и они.

Так мы споем, играя
у теплого песка:

— Ой, небо! Ой, без края!
Ой, реченька-река: